

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ВЫПУСК 11 (112)

Темиргой - срединное княжество Черкесии

История образования, основные события и источники

Феодальное владение Темиргой под управлением князей Болотоковых являлось наиболее могущественным в Западной Черкесии на протяжении XIV – XVIII вв. По правящей фамилии Болотоко авторы этого периода часто называли Темиргоевское феодальное владение Болотоковским (княжеством). Так, у турецкого путешественника середины XVII века Эвлия Челеби употреблена форма Болоткай, а у итальянского миссионера Джованни да Лукка — Болеткой.

Наименование адыгского субэтноса темиргоевцев в современном адыгейском языке имеет форму *чегмуй* (кӀэмгуй), что, по всей видимости, является результатом разрушения большей части народных представлений в сфере историко-этнографической и генеалогической традиции. Надо заметить, что в шапсугском произношении осталась такая форма этого имени *кемгуй* (кӀемгуй), которая может расцениваться как связующее звено со старой традицией произношения кемиргуй. Данный дискурс подкрепляется сохранением в современном кабардинском языке формы «*кӀэмьргуйей*» — темиргоевцы. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. С. 338).

В XVI в. кемургуйские князья и княжество Кемургуй (Kemurguy и, эпизодически, Temurguy) фигурируют в османских источниках. (Kirzioglu M. F. Osmanlilar'ın Kafkas – Elleri'ni Fethi (1451 – 1590). Ankara, 1998. S. 314, 439 – 441). *Кемиргой, кеморхи, кумиргинские черкасы* часто фигурируют в документах Посольского приказа в XVII в. (Кабардино-русские отношения. Т. I. М., 1957. С. 90, 93, 97, 279). В 1808 г. Г.-Ю. Клапрот отмечал, что «кемиркуе-хи (кемурке) – сильный черкесский род, состоящий из пяти тысяч семей, названный татарами темиргой». (Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии // АБКИЕА. С. 240). В 1836 г. Э. Спенсер подчеркивал, что адыгское произношение княжества Темиргой – Кемиркуей (Kemirquahee). (Travels in the Western Caucasus / Spenser (Ed.). L., 1838. Vol. I. P. 98).

Вполне вероятно, что пер-

воначальная форма имени Темиргой была связана с названием кемиргоев (темиргоевцев). Так, в русских источниках Темиргой Идаров, старший князь Кабарды, фиксировался как Кермургук, Комургун, Темгрюк. (Кабардино-русские отношения. Т. I. М., 1957. С. 90, 93, 97, 279, 460). В 1634 г. упоминается абазинский мурза Кумургука Отлепшукин Ловов. (Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 156).

Вполне вероятно, что изначально Хатукаевское владение входило в состав Темиргой, если исходить из мнения Хан-Гирея: «Народные предания представляют тчмергойское поколение разделенным на две части, или на два удела, двумя князьями — братьями по именам Болотокко и Ххатикко. Первый, как старший, остался с своим уделом на прежних местах жительства между реками Лабою (большой) и Шхакошем, сохранив своему уделу древнее наименование — Тчмергой. Второй, то есть князь Ххатикко, с частью тчмергойцев, в удел ему доставшихся, подвинув на запад, и там поселился. И самое рождение этих князей предзнаменовало разделение тчмергойского поколения на два удела: сказывают, что Болотокко и Ххатикко были близнецами, и в первую ночь рождения этих младенцев положили на одной постели и прикрыли мехом, ибо время было холодное. Поутру нашли этот мех разорванным на две части младенцами, что видя, суверенная мать вскричала: «Несчастливые тчмергойцы, они разорвут вас!» (Х.-Г., 176).

Во времена Челеби территории по Убину, Афипсу и Шешу занимали хатукаевцы во главе с беим (пши) Джан-Гиреем. В распоряжении бея «обширной области Хатукай», согласно Челеби, находилось «восемь тысяч хорошо вооруженных воинов». (Там же. С. 64 – 68). В XVI в. хатукаевцы отмечены в крымских источниках примерно в этом же районе Черкесии, сразу к востоку от жанеевцев. Соответственно, мы вправе предположить, что в XV в. расположение черкесских княжеств

было таким же. А это уже выводит нас на вывод о том, что известный в археологии Убинский могильник, по крайней мере, погребения XIV – XVI вв. оставлен именно хатукаевцами.

Кроме того, нахождение территории хатукаевцев в составе Темиргоевского владения означает, что во время Барбаро (сер. XV в.) западные пределы Кремука могли простираться вплоть до долины Убина. Получается весьма внушительное по размеру княжество от Убина до Лабы включительно.

Описание Темиргой (Кремука) Иосафатом Барбаро в середине XV в.

«Отправившись из Таны по берегу Забакского моря, прибыл я после трехдневного пути в страну, называемую Кремух. Ею управляет государь по имени Биберди, т. е. «богом данный», сын Кертибея, т. е. «истинного властителя». Владения его состоят из нескольких селений, могущих в случае нужды выставить до 2000 всадников, и изобилуют лесами и плодородными равнинами, орошаемыми множеством рек. Знатнейшие жители страны живут хищничеством и преимущественно грабежом караванов, от времени до времени здесь проходящими. Они имеют прекрасных лошадей, отличаются мужеством и лукавством и лицом весьма сходны с итальянцами. Земля их изобилует хлебом, скотом и медом; но зато в ней нет вовсе вина. За Кремухом обитают разные народы, в недалеком расстоянии один от другого, как то киппичи, татакозцы, собайцы, кавертейцы и ас или аланы...»

(Барбаро И. Путешествие в Тану // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. [Далее – АБКИЕА]. Нальчик: «Эльбрус», 1974. С. 41 – 42).

Иосафат Барбаро (Giosafat Barbaro, 1413 – 1494) входил в круг высших чиновников республики Святого Марка и в 1436 – 1452 гг. проживал в Тане. Позднее на него была возложена важная дипломатическая миссия. При дворе

Узун Хасана (1453 – 1478), правителя «Персии» (власть династии Ак-Коюнлу, возглавлявшей конфедерацию туркменских племен, распространялась на Дийарбакр, Восточную Анатолию и Азербайджан), Барбаро пробыл пять лет (1474 – 1478) и целью его миссии было склонить могущественного союзника Венеции на востоке к масштабному наступлению на османские владения в Анатолии. Таким образом, Барбаро был в высокой степени осведомленным человеком в вопросах войны и мира на Кавказе. Это обстоятельство повышает наше доверие к его сведениям.

Во второй части своего труда Барбаро поместил интересный рассказ о том, как армия мусульман, «кричащих о смерти христиан согласно своей вере» из Персии через Шемаху и Дербент пришла на Терек, «вошла в Каспийские горы, где есть многие христиане-католики» и «на греческий манер», затем повернула в Черкесию и здесь устроили погром христианам «пока люди из Тетракоосы и Кремуха не сошлись с ними в рукопашную и устроили такой грохот, как будто бы сорвалась сотня ветров». Мусульманская армия потерпела поражение и бежала «в свою страну». (Цит. по: Кузнецов В.А. Забытый Кремух // Сборник Русского Исторического Общества. М.: Русская панорама, 2002. N 4 (152). С. 207).

По всей видимости, Тетракооса является искаженной формой Таркасии – так в 1404 г. у Иоанна де Галонифонтибуса, архиепископа Султани, называется Черкесия. (Галонифонтибус И. де. Сведения о народах Кавказа. 1404 г. // Книга познания мира. Баку: Элм, 1980. С. 16 – 17).

Ясно, что «*tarcasi*» восходят к арабскому произношению «*джаркас*». Черкесия известна в арабских источниках как билад ал-Джаркас (билад – равнина) или просто Джаркас. (Ayalon D. The Circassians in the Mamluk Kingdom // Journal of the American Oriental Society. New Haven, 1949. Vol. 69, Pt. 3. P. 136).

Вторжение в Черкесию, о котором писал Барбаро, не являлось акцией «персидско-

го» государства, но было результатом агрессивной политики духовного ордена Сефевидов, стремившегося возгласить государство на территории Ирана. В 1447 г. шейх Джунейд, четвертый по счету представитель «династии» Сефи, собрал порядка 10 тысяч мюридов в Ардабиле. Отсюда он выступил в Ширван с «намерением вести с черкесами войну за веру». До Черкесии он не дошел и погиб в Ширване на р. Самур. (Бакиханов Аббас-Кули-ага. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. С. 92).

Является вопросом, собирался ли он вообще идти в Черкесию. Лозунги джихада могли быть не более чем прикрытием для истинных целей захвата власти в Иране. Без заявлений о намерении вести войну за веру шейху затруднительно было бы обосновать мобилизацию целой армии.

Сведения о вторжении в Черкесию воинствующих шиитов были получены Барбаро от некоего доминиканского монаха Винченцо и относятся к 1487 г., когда отряды шейха Хайдара, правителя Ардебильского округа Персии, пройдя Дербент, сосредоточились в Тюменском княжестве в низовьях Терека. Отсюда они могли выступить против черкесов.

Внимательный источниковед И.В. Волков приводит наиболее точный перевод этого отрывка из Барбаро: «Это были частью всадники, частью вооруженные, а частью без оружия, в огромном количестве. Они появились у реки, называемой Терк (Terch), которая находится в провинции Эльюкзи (Prountia Elochzi). Они вступили в Каспийские горы, где было много христиан-католиков. В каждом месте, где они находили христиан, безо всякого уважения убивали всех, женщин и мужчин, малышей и взрослых. И после этого они вошли в страну Гога и Магога, которые также христиане по греческому обряду. И с ними сделали то же самое. Затем они потянулись в сторону Черкесии (Circassia), проходя около [племен] Киппиче (Chippiche) и Кабертай (Carbathei), которые оба находятся около Великого моря, и поступили подобным обра-

зом в тех местах. Наконец с ними сразились те из [племен] Тетаркосия (Tetarcossa) и Кремук (Cremuch), и нанесли им такое сокрушительное поражение, что не спаслись и двадцать человек на сотню. В беспорядке они спасались бегством в свою страну». (Цит. по: Волков И.В. Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастальдо 1548 г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2003. Вып. 2. С. 226 – 227).

На рубеже XV и XVI вв. знание о Черкесии в Европе серьезно обогащается благодаря выходу в свет в Венеции в 1502 г. детального и талантливо написанного труда Джорджио Интериано. Полнота и степень достоверности очерка Интериано далеко превосходит все то, что было написано о Черкесии до него, и также большинство описаний Черкесии XVI и XVII вв. Интериано дает детальное описание территории и размеров Черкесии и так же, как и Барбаро, выделяет внутри страны наиболее густо заселенную область Кромук: «Живут они деревнями и во всей стране нет [ни одного] города или укрепленного стенами места, а их самое большое и лучшее поселение – это небольшая долина в глубине страны, называемая Кромук, имеющая лучшее местоположение и более других населенная». (Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами // АБКИЕА. С. 47).

Кремук на карте мира Фра Мауро, 1459 г.

Знаменитая круглая «Карта мира» (Mappamondo) венецианского монаха Фра Мауро, созданная в соавторстве с венецианским картографом и мореплавателем Андреа Бьянко в 1459 г., содержит если не первое, то, во всяком случае, одно из первых указаний о существовании на Северо-Западном Кавказе страны «Черкесии» (Cercassia). Это название нанесено меньшим шрифтом, чем «Татария» (Tartaria) и отделено от последней рекой. По соседству с Черкесией отмечена крупная венецианская колония «Тана» (Latan). Помимо названия страны еще дополнительно, в Центральном Предкавказье, отмечены черкесы (Cercasi) и сразу за ними в восточном направлении «alani».

«Карта мира» Фра Мауро и Бьянко содержит предположительно самое раннее картографическое свидетельство существования княжества Кремук (Cremuch, у Фра Мауро – P. Chremuch, где P., по всей видимости, означает paus «страна, земля, область») – в центральной части Черкесии. Это название помещено между горной цепью, изображающей Главный Кавказский хребет, и Кубанью, то есть именно в том районе, где в последующие столетия находилось Темиргоевское феодальное владение.

Мы можем быть уверены в том, что столь точное нанесение Кремук на карту –

заслуга Бьянко, который в 1437 г. в качестве капитана совершил плавание в Тану. (Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. М.: Индрик, 2011. С. 58). Власти этой венецианской колонии поддерживали интенсивные контакты с владетельными князьями Кремук и всей Черкесии.

На протяжении XVI в. Кремук был почти обязательным элементом черкесского пространства. Так, на «Новой карте Московии» Джакомо Гастальдо на правом берегу Кубани в ее среднем течении помещен город Cremuch.

Белореченская археологическая культура как наследие Кремук

В XIV – XVI вв. черкесские курганы распространились от Тамани до Сунжи: это явление полностью соответствует сведениям из письменных источников. Район исторического Темиргоя (Кремук) выделяется особым богатством захоронений, которое было отмечено первым исследователем некрополей долины Белой Н.И. Веселовским, раскопавшим 84 кургана на протяжении 1896 – 1907 гг. (Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898. С. 2 – 60).

О.В. Милорадович предполагала, что «где-то около ст. Белореченской помещался центр Черкесии, где жили наиболее богатые ее представители, а Белореченский курганный могильник являлся местом их погребений». (Милорадович О.В. Кабардинские курганы XIV – XVI вв. // Советская археология. 1954. Вып. XX. С. 351).

Впервые сопоставление Кремук с ареалом Белореченской археологической культуры XIV – XVI вв. было предпринято одним из наиболее видных специалистов по археологии и истории Северного Кавказа В.А. Кузнецовым. (Кузнецов В.А. Забытый Кремук // Сборник Русского Исторического Общества. М.: Русская панорама, 2002. N 4 (152). С. 210-211).

Следуя логике и наблюдению

Карта мира Фра Мауро, фрагмент. URL: <http://www.kartap2.narod.ru/m/mauro.htm>

Кузнецова, автор этих строк в 2002 г. высказал версию из двух основных положений: 1) о принадлежности Белореченского некрополя адыгскому субэтническому подразделению темиргоевцев; 2) о полном соответствии Кремук и Темиргоя. (Хотко С.Х. История Черкесии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 280).

Пребывание в Болетте-кое миссионера Джованни да Лукка в 1629 г.

«Главное, что можно сказать о Черкесии, так это то, что черкесы внутри страны не имеют ни истинных обрядов, ни письма, но имеют свои обычаи и экстравагантный образ жизни, который трудно переносится католическими священниками в этих краях. Скажу, однако, что после успехов, достигнутых мною, в Черкесии можно направить на путь истинный много душ, которые решились познать жизнь Иисуса Христа.

После того, как отец Эмидио (д'Асколи. – С. Х.) вернулся из Константинополя, а отец Реджинальдо из Сервии, я и отец Констанцо да Лукка отбыли в Черкесию 18 сентября 1629 года и прибыли в Темирук, который является одним из главных городов Черкесии. Куда ни взглянешь – всюду фрукты, кото-

рыми торгуют почти одни только турки; из них некоторые являются христианами, которые крещены греческим священником, проживающим в Киерии. К нему приходят из близлежащих местностей люди, являющиеся данниками татар и турков; это по большей части черкесы по языку, но не по обычаям и не по духу, как те, кто живет во внутренних областях Черкесии; их князья зовут Шабан-оглы.

Нас было двое братьев, и я представлю здесь некоторые разговоры, которые мы вели с князем. Нас спросили, куда мы намерены отправиться; я ответил, что хочу поехать в Черкесию, а именно в Жанна и Болеттекой, а при возможности – еще дальше в глубь страны. Он (князь) спросил, что я намерен делать там; я ответил, что мы направлены святым папой проповедовать закон Иисуса Христа. Он сказал мне, что это безумие, и что если я хочу проехать по этой стране, то мне необходимо иметь две головы: одну чтобы проехать в ту сторону, а другую – обратно, так как те, кто ушел туда, обратно не вернулись, и что нас продадут там как свиней, и что эти люди не знают ни Христа, ни Магомета. Проводник же, которого мы взяли с собой и которого звали Жанбек, сказал нам, что бояться не нужно, и сказал мне, что у него есть одежда для продажи, и что меня будет сопровождать купец-черкес, знающий турецкий язык, и что я сам смогу смотреть и слушать во время торговли платями, которые они носят во время работы, и что они не причинят мне никакого вреда, так что мне можно было отослать назад отца Констанцо и переводчика.

Я поступил так, как мне посоветовал князь, тем более, что к стыду нашему уже 5 лет мы не имеем истинного знания об этом народе; поэтому я купил некоторые безделушки – пуговицы, хлопчатобумажную ткань, ножи, зеркала, иголки и наперстки, и отправился в путешествие.

По распоряжению князя меня сопровождал черкесский жрец, небольшого роста, проданный князю турками; князь поручил ему покупку рабов в Черкесии. Нас сопровож-

дал также раб-поляк, по имени Якоб, захваченный некогда в Польше; он знал немного черкесский язык и латынь, и оказался для меня ангелом небесным.

Наконец, 1 октября 1629 г. мы на 60 небольших лодках тронулись в путь и, идя по озерам и рекам, за 8 дней дошли до Болеттекой, имеющего множество деревушек. Здесь мы нанесли визит князю и подарили ему некоторые безделушки. Он спросил нас, кто мы такие и чем торгуем. Я ответил через переводчика, что я латинский священник, отправленный к ним Великим Папой обучать их нашей вере и письму, и что мой товар предназначен к познанию пути Христова, каковым является путь на небо. Он сразу же поцеловал мне руку и сказал: «Добро пожаловать, да будет благословенна душа вашего святого Папы, который так заботится о нас, поскольку мы уже давно желаем знать, что нужно делать для спасения своей души». Затем он снова обнял меня, приглашая поселиться в его жилище, в то время как жрец и Якоб были поселены в другом.

Настало время обеда и мы пообедали, причем с такой великой обходительностью с их стороны, что об этом невозможно не рассказать, настолько это интересно! Сам князь угощал и подавал нам из своих рук, а его сыновья стояли возле него как его слуги, с непокрытой головой, и когда я давал им пить то, что у них пьют, они склонялись на правое колено и стояли так до тех пор, пока не выпивали до конца. Старший сын и какая-то женщина принесли кубок с неким напитком, приготовленным из прося и меда, который оказался не безвкусен во рту; этот напиток пьют в один прием, не становясь на колени. Вместо пшеницы они используют просо, похожее на жесткий рис, из которого они, помимо прочего, делают свой хлеб. У них много хорошего мяса, и дичи много водится в лесах.

(Продолжение в следующем выпуске).

Самир ХОТКО.

Гастальдо, Джакомо (иногда указываемый как Джакомо или Джакобо, 1500, Виллафранка, Пьемонт – 1566, Венеция). Новая карта Московии. (Gastaldi, Jacopo, Giacomo. Moschoviae nova Tabula). 1548 г. Фрагмент из итальянского издания Географии Птолемея, Venetiis, 1548. URL: http://alteagallery.com/stock_largeimage.php?ref=13773&image=13773.jpg

РЫЦАРИ УШЕДШЕЙ ЭПОХИ 5

Российская периодическая печать о черкесах - участниках Первой мировой войны

Продолжение, начало
в выпуске 10 (111).

«Что это такое?». Все были озадачены, и даже на некоторое время притихла перестрелка. Человека не было видно. Казалось, что мчится взбесившаяся лошадь с огромными черными крыльями. Однако бинокль вскоре позволил выяснить, в чем дело. Это был не центавр, а какой-то горец с широко развевавшейся буркой, прямо-таки лежавший на своей лошади. Австрийцы, также пораженные диковинным зрелищем – атакой одного лишь всадника, прекратили стрельбу и словно оцепенели. Наши же, собравшись, в чем дело, тем временем успели далеко пробежать вперед. Наконец, враги опомнились и снова открыли ураганный пулеметный и ружейный огонь. Горец уже был близко, когда вдруг его лошадь опрокинулась через голову, далеко выбросив из седла отважного всадника. Несколько мгновений он был неподвижен, но затем вскочил на ноги и уже без бурки, припадая к земле, рванулся вперед. Наши уже были близко, но австрийцы не стали их ждать и пустились наутек. Однако в стороне остались два австрийца, возившиеся около пулемета. К ним-то и направился горец. Один австриец бросился было на него со штыком, но сверкнула сабля, и штык отлетел в сторону. Не успел горец замануться вторично, как на него спереди и сзади набросились австрийцы.

«Погиб!» - подумали наши, и ошиблись. Нападавший спереди австриец вдруг взметнул руками и повалился в окоп, задуренный горцем. Другого же горец быстро, с ловкостью борца перекинул через голову и в следующее мгновение австриец был у него в руках. Пригнув к земле, рассерженный горец усердно награждал его шлепками точно провинившегося шалуна. Солдаты так и покатывались от смеха при виде этой картины. Наконец горец приподнял австрийца за шиворот, поставил на ноги и толкнул к пулемету. Минуту спустя австриец, напрягая все усилия, тащил нам свой пулемет. Когда мы поравнялись, ротный нарочито строгим тоном спросил горца:

- Как ты смел скакать сюда?
- Наши там стоял, - указал он в лес. - Видел, бежишь и стреляешь и мы покакал.
- Тебя наказать бы следовало. Вот и лошадь твою напрасно убили.
- Зачем наказат? Наказат

не надо! А лошадь жалко... Хьароший лошад был.

Постоял немного, пока солдаты рассматривали интересную фигуру горца, а затем обратился к ротному:

- Бэри, гаспадин, эта машинка и этот чаловэк. Мэнэ он нэ нада, а мы пойдём другой лошад искать.

- Погоди же, как тебя звать?
- А тебэ зачем?

- Если спрашиваю, значит надо.

Горец постоял в нерешительности, а затем ответил:

- Салим Ачах, гаспадин. Только мэнэ наказыват не нада».

Далее говорится, что Салим Ачах, награжден орденом Св. Георгия IV степени, «ибо благодаря вызванному им замешательству наши почти без потерь далеко продвинулись вперед».

В очерке не указана национальность этого бесстрашного одинокого всадника Салима Ачаха, но судя по фамилии, можно с уверенностью сказать, что это черкес-доброволец из Екатеринодарской сотни Черкесского полка.

А. Е. Котомкин приводит еще один примечательный эпизод, связанный с черкесами, в котором ярко отражено их полное пренебрежение к опасности и к смерти. «Наши войска, - писал он, - стояли верстах в двух от леса, где еще находились австрийцы. Однажды ночью мы заметили, что на опушке леса зажглись костры и, что около них происходило какое-то движение. Послали солдат узнать, в чем дело. Посланные возвращаются и не могут произнести ни одного слова от смеха.

- Что? В чем дело?

- Они там пляшут...

- Кто такие «они»?

- Да черкесы. Поют и пляшут!

Что за дьявольщина? Взбеленились они что ли? - рассердился подполковник. - Прикажете им погасить огни и убраться из леса. Перестреляют же всех, как перепелок.

Туда вместе с солдатами пошли некоторые офицеры. И действительно, глазам их представилась довольно необычная картина. Около костров сидели горцы и, похлопывая в такт руками, тянули какой-то восточный мотив, а два других отплясывали. Но кто мог допустить мысль о столь своеобразной лезгинке в горах Карпат?

- Вы зачем огонь развели? - набросился на горцев поручик.

- А тэбэ какой дело? - огрызнулся горец постарше, не разбираясь в форме.

- Командир приказал поту-

шить огонь. Надо, чтобы было темно, здесь австрийцы. Если заметят, перестреляют вас всех.

- Пусть стреляют... Они будут стрелять, мы будем его резат.

И многих усилий стоило уговорить горцев погасить огонь и уйти из леса. Сделали они это с крайним не удовольствием».

Автор отзывается о горцах вообще, и черкесах в частности, с большим восторгом, особо отмечая их способы ведения боя: «Их пребывание в армии очень ценно, в особенности, когда эти лихие наездники-добровольцы успели приучиться к дисциплине. Особенная страсть горцев - к рукопашным схваткам. Обычно горцы образуют в рядах противника «просеки», затем поворачиваются лицом на обе стороны «просеки» и начинают беспощадно уничтожать врага. Фехтование доведено у них до совершенства и состязаться с ними в этом искусстве венгры не могут. Брать пленных горцы не любят. Они заставляют врага биться до последних сил с оружием в руках, рискуя при этом и своей жизнью. Несмотря на непрерывные участия в боях, потери горцев весьма незначительны, в особенности ничтожны потери у них при кавалерийских атаках, когда горцы неминуемо выходят победителями. Австрийские солдаты безумно боятся встреч с черкесами и всегда спешат скрыться при одном лишь признаке появления откуда-либо горцев».

14 февраля 1915 г. было начато наступление по рубежу р. Ломница в направлении г. Станиславова (ныне Ивано-Франковск). На следующий день, 15 февраля, разгорелся бой за село Цу-Бабин. В атаку на хорошо оборудованные австрийские окопы, пушки и пулеметы пошла Майкопская сотня Черкесского полка под командованием штаб-ротмистра Султана Клыч-Гирея. Бой был стремительный и ожесточенный. В результате этой короткой схватки из окопов показались австрийские солдаты с поднятыми руками. Героев в этом бою было много, много было и потерь.

Это событие и его последствия были подробно освещены в разных изданиях и воспоминаниях, в том числе и в газете «Майкопское эхо» за 11 апреля 1915 г., где была помещена небольшая заметка под заголовком «Геройство майкопцев-черкесов». В ней приводилось письмо командира Майкопской сотни Черкесского полка Султана Клыч-Гирея, присланное им на имя атамана Майкопского отдела пол-

ковника П. П. Лагунова. Вот это письмо: «Позвольте, дорогой Петр Павлович, выразить Вам сердечную благодарность за людей и лошадей, которые Вы мне прислали на пополнение - все пришло в прекрасном состоянии. Не могу Вас не поздравить с успехами Вашей сотни, которой я имею счастье командовать. Можно сказать без исключения во всех делах полка наша сотня сыграла первенствующую роль. Масса хороших дел вышла на долю полка, но вот 15-го февраля наш полк, имея во главе нашу славную сотню, произвел конную атаку.

Говорят все, что история русской конницы до сих пор еще не имела такой лихой бешеной атаки. Полк Черкесский этой бесподобной атакой покрыл себя неувядаемой славой, а вместе с ним и народ черкесский может гордиться своими сынами, здесь находящимися, которые блестяще поддержали добрую славу своих дедов. На следующий день начальник дивизии сердечно благодарил прославленный наш полк, весь народ черкесский и со слезами присутствовал на похоронах славных героев. Я шел в атаку в лоб на пулеметы и потому, к горю моему, потерял больше всех.

Если Вас не затруднит, передайте нашим старикам мою сердечную благодарность за их молитвы за меня и мою неустрашимую сотню, которая с честью поддерживает добрую славу доблестного народа - адыге».

В этом же номере газеты «Майкопское эхо» был опубликован список потерь Майкопской сотни в том бою 15 февраля, где перечислены имена 19 погибших всадников и 6 раненых.

Об этих же событиях 14 - 17 февраля 1915 года, где особенно отличились сотни Черкесского и Ингушского полков, много писали и центральные издания. Почти во всех публикациях тех дней неоднократно повторялась одна и та же фраза из переданной Петроградским телеграфным агентством официальной телеграммы из Ставки, в которой речь шла о «кавказских горцах» в связи с их боевыми делами в рядах Кавказской конной дивизии: «горцы решительно отказываются уступить кому-либо первенство под неприятельским огнем: никто не должен получить право утверждать, что горец сражается за его спиной».

В этом и других сообщениях подмечена одна очень важная черта характера воина-черкеса - идти в наступление в первых рядах. Как свидетельствуют адыгские героические предания и пес-

ни, это древняя традиция - атаковать первыми врага, возглавлять наступление, черкесы считали своей особой привилегией, унаследованной от предков, заслуживших ее много веков назад, благодаря своей необычайной храбрости. Данный факт, связанной с тактикой ведения боя черкесами, зафиксирован еще в русских летописях XVI в., времен Ивана Грозного.

Все приведенные примеры повествуют не только о бесстрашии кавказских всадников, в том числе и черкесов, но и являются свидетельством продолжения традиций описания образа воина-кавказца, воина-черкеса, сложившейся в русской литературе, публицистике и историографии в XIX веке. Большой частью этот образ был романтизирован и поэтизирован в произведениях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого, но и историкам такой подход был не чужд. К примеру, известный историк Кавказской войны В. А. Потто писал: «Черкес весь был поэтическое создание войны...». С подобными характеристиками перекликаются и эпитеты «природные всадники», «поэты войны» и др., которыми часто назывались черкесы и все кавказцы во многих публикациях времен Первой мировой войны. Так, Де-Пассан, автор очерка «Дикая дивизия», опубликованного в газете «Юго-Западный край» 27 марта 1915 г., в г. Виннице, писал, что отряды, сформированные из черкесов, чеченцев и других кавказских народностей творят на фронте чудеса храбрости. «Эти истинные «дети природы» сохранили понятия о мужестве и военной доблести в самой первобытной простоте. Война - это, по их мнению, рукопашный бой, честный открытый бой, когда враги сходятся грудь с грудью и меряются силой. Они хотят сводить счеты в рыцарском единке. Современные способы войны приводят их в негодование. Стрелять на расстоянии, не видя врага, косясь пулеметами колонну за колонной, сидеть в окопах - это не для них. Они - «поэты войны» и им необходимо «упоение боем».

Далее приводится описание эпизода с черкесом, ведущим пленного австрийца, и о его «находчивости Шерлок Холмса» при разоблачении неприятельского лазутчика».

Издание «Новое Время» в апреле 1915 года в очерке «Кавказцы» сообщало: «В победном шествии на С. участвовала и Кавказская дивизия. «Природным всадникам» пришлось вместе с пехотными войсками «спешенной конни-

цей» под градом пуль и снарядов «постепенно рассыпным строем, перебежками отнимать у неприятеля пядь за пядью землю. Горцы ходили на окопы — в штыки, вернее, в кинжалы, несли сильные потери, но дух их не упал даже в этой совсем необычной для них обстановке».

Командование австро-венгерскими войсками, понимая, что г. Станиславова, к которому подходили значительные силы российской армии — пехоты и конницы, удержать не удастся, вывело свои главные силы из города, оставив там значительный гарнизон. И тогда произошло удивительное событие, участниками которого стали всадники и офицеры Черкесского и Ингушского полков 3-й бригады Кавказской конной дивизии. «Для выяснения количества оставшихся в городе австрийцев посланы два конных разъезда горцев, — продолжает рассказ корреспондент газеты «Новое Время». — Видимо, австрийцы заметили их, но ничем не выдали своего присутствия, подпустили эту кучку людей к самому городу. Горцы предположили, что он совсем оставлен неприятелем, спокойно вошли на мост и затем в город. Здесь их встретили залпами с разных сторон. Вместо того чтобы отступить на мост, горячие кавказцы опять прибегли к своему самому необычному оружию, и на улицах закипел кинжальный бой. Плохо ли стреляли австрийцы, или их обуял страх при виде горцев, но и на этот раз последние победили, не потеряв ни одного человека, кроме нескольких раненых. Перестрелку услышали ближайшие четыре сотни и бросились на помощь своим...».

Очерк «Кавказцы» заканчивался словами о том, что «в составе дивизии есть уже немало храбрецов, награжденных Георгием», которого «горцы называют «Джигитом» и очень чтут его». Действительно, святой Георгий Победоносец, изображение которого помещалось на лицевой стороне Георгиевского креста — он восседал на коне и копьём поражал дракона, символизовавшего врага, — у черкесов ассоциировался с адыгским покровителем воинов и наездников — Аушеджом, имя которого, как залог бесстрашия и храбрости, охраняло их. Имя Аушеджа-кана часто упоминается в древних героических песнях: «ТыкъэмьштэныкӀэ, Аушэджы-къаныр тишэса...» (Что мы не дрогнем, Аушедж-покровитель нам порука...) и напутственных хохов (благопожеланиях), посвященных воинам: «Аушэджы-къаныр шъуигъусэу...» (Аушедж-покровитель пусть с вами будет...).

Кубанские газеты также сообщали о наиболее отличившихся воинах-черкесах, кавалерах Георгиевских крестов. Так, в кубанской газете «Военный листок» за 7 сентября 1916 г. рассказывалось о прапорщике Довлетмирзе Бже-

гакове, предки которого в четырех коленах верой и правдой служили Отечеству. Он родился в 1879 г. в ауле Новобжегокой ныне Тахтамукайского района. Окончил горское училище, в 1904 г. добровольцем поступил на службу в Терско-Кубанский конный полк. Отменно сражался в Манчжурии, был награжден Знаком отличия Военного ордена 4-й степени, повышен в чине до урядника, юнкера, уже после окончания войны стал прапорщиком. Во время Первой мировой войны служил в Екатеринбургской сотне Черкесского полка, где на его счету было много героических дел.

Газета «Армейский вестник», издававшаяся при штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, опубликовала несколько материалов о ратных подвигах кавказцев и, в частности адыгов. Среди них очерк В. Днепровского «Туземцы», вышедший в свет 27 января 1917 г. В нем который рассказывается о лихой атаке ингушских и черкесских сотен на германской позиции в одной из деревень Галиции. Автор подчеркивает, что он опирается на истории, записанные штабными офицерами. «Готовилась пехотная атака на деревню. Командиры-туземцы захотели разделить с пехотой будущий успех и решили помочь ей. Вихрем полетела по холмистому полю сотня ингушей, а за ним вторая и третья. Видели две сотни черкесов, как летели в атаку ингуши, никто не подавал им команды, сами черкесы вскочили на коней, рассыпались в лаву и тоже пошли в атаку. Проскакали ингуши передние цепи нашей пехоты, залегшей в трехстах шагах перед неприятелем, под метким вихрем пулеметного и ружейного огня. Поднялась пехота, восхищенные дерзкой атакой кавказцев, крикнули «Ура!»... «Ура!» уже в честь кавказцев и пошли за ингушами и черкесами. Разом вскочили сотни в деревню и начали бой на улицах. Упорно не сдавались германские роты, трещали пулеметы на крышах халуп, стреляли ружья из окон... Спешились всадники и пошли по халупам, быстро кончился бой за деревню, немногие попали в плен, все были изрублены и переколоты. Кончили работу в деревне, вскочили на коней и понеслись на Северо-Запад».

Далее автор очерка «Туземцы» В. Днепровский сообщал, что ингуши, уничтожив расчет тяжелой батареи, «захватили пять орудий», но «не осрамились и черкесы», которые также «захватили одно орудие».

На основе всех этих эпизодов, связанных с ингушами и черкесами, В. Днепровский делал выводы о характере кавказцев: «Много навредили кавказцы германцам и австрийцам; знают о них

езде и трепещут при одном виде белой или черной бараньей шапки. Есть у германцев и австрийцев много личных счетов с храбрыми кавказцами, не пощадят они их, если попадется кто-нибудь из них к ним, истопчут ногами они пленных кавказцев и ногами сломают их белые кости... Вся беда для германцев только в том и заключается, что не попадают к ним в плен кавказцы, — нечего им делать ни в Германии, ни в Австрии, не рождены они для черной работы и кроме шашки и кинжала рука их никогда не держала другого орудия, не мела улиц, не знала службы на пользу другого человека и никому, кроме царя, не желают подчиняться свободные кавказцы...».

В феврале 1917 г. в Петрограде произошла революция. 2 марта 1917 года император Николай II отрекся от престола, передав «наследие» своему брату Михаилу Александровичу, бывшему командиру Кавказской конной дивизии, но и он 3 марта отказался от престола, обратившись к народам России с Манифестом. Власть в Петрограде и стране взяло на себя Временное правительство. Эти события внесли в ряды воюющих на фронте солдат и матросов общую растерянность, многие в армии поддержали революционные настроения. Как вспоминали участники тех событий, после Февральской революции в Кавказской конной дивизии сохранялась стабильная обстановка. Кавказцы не поддались пораженческой пропаганде и псевдореволюционной демагогии. Несмотря на это, те дни в ряде революционных российских газет была развернута кампания нападок на офицеров и всадников Кавказской конной дивизии. Их обвиняли в том, что они участвовали в подавлении революционных протестов в Петрограде. В связи с этим, на страницах газеты «Кубанский курьер» за 24 марта 1917 г. появилась публикация, опровергающая эти обвинения. В ней с письмом в редакцию выступил юрист из Екатеринодара Пшемахо Тамашевич Коцев: «В первые дни великой русской революции вместе с известиями о падении старого режима и о событиях на улицах Петрограда в обществе стали циркулировать слухи, а затем в некоторых газетах появились заметки о том, что будто некоторые части Кавказской туземной кавалерийской дивизии (так называемой «Дикой») были истребованы с фронта для подавления революционного выступления, и они стреляли в народ, причем, будто и сами были расстреляны другими войсковыми частями, перешедшими на сторону Исполнительного Комитета Государственной Думы. Подобные слухи, естественно, взволновали горское население

и представители последнего приняли все меры к тому, чтобы получить самые достоверные известия об участии и роли их единоплеменников — частей так называемой «Дикой Дивизии» — в событиях на улицах Петрограда. По полученным самым точным и достоверным сведениям оказалось, что ни одна из частей Кавказской туземной кавалерийской дивизии в Петрограде в революционные дни не была, и ни один воин названной дивизии в революционный народ не стрелял. Вся эта дивизия с первых дней войны и по настоящее время находится на своем боевом посту на позициях Западного фронта и наравне с другими сынами Великой России защищает общую родину от внешнего врага».

Первая мировая война продолжалась. Российская периодическая печать, несмотря ни на что, по-прежнему публиковала материалы о кавказцах на войне, о том, как они до последнего оставались верны своему долгу. Так, в начале июня 1917 г., когда Кавказская конная дивизия, вошедшая в состав 8-й армии под командованием генерал-лейтенанта Корнилова, перебрасывалась воинскими эшелонами в Галицию, на железнодорожной станции Заблотов состоялся ее смотр. Свидетельства о том памятном в истории дивизии событии запечатлели многие издания, в том числе, журнал «Донская волна» и газета «Терский вестник». Обе статьи: «Корнилов и горцы» в журнале «Донская волна» и «Смотр Кавказской туземной (дикой) дивизии» в газете «Терский вестник» в лучших традициях русской журналистики, писавшей о кавказцах на войне, освещали это важное для дивизии торжественное событие. По деталям в этих двух публикациях, можно восстановить картину смотра Кавказской конной дивизии на железнодорожной станции Заблотов в Галиции.

Дивизия выстроилась на пустыре около железнодорожной станции «четырёхугольником»: с трех сторон — Чеченский, Ингушский, Кабардинский, 2-й Дагестанский, Черкесский и Татарский полки. С четвертой стороны стали входившие в состав дивизии артиллеристы 8-го Донского казачьего дивизиона и пулеметчики отряда Балтийского флота.

Ровно в четыре часа пополудни командарм на коне «въехал в четырёхугольник» и стал объезжать выстроившиеся части, «здоровается с ними и заговаривает с двумя-тремя всадниками каждого полка». Затем, остановившись посередине дивизионного «четырёхугольника», Корнилов произнес следующую речь: «Орлы Кавказа! Я не ожидал, но я счастлив видеть вас в таком изумительном порядке. В вас сохранился еще

тот дух, который начинают терять наши войска.

Когда вернетесь к себе на Кавказ, передайте от меня поклон и большое спасибо вашим отцам, что сумели воспитать и вдохнуть в вас ту внутреннюю дисциплину, что предохраняет вас от развала. Сейчас я зову вас на ратный подвиг и убежден, что славная история вашей дивизии обогатится еще многими страницами. Еще раз спасибо вам, славные горцы, за службу!»

Площадь оглашается ответными, одобрительными и приветственными криками нескольких тысяч человек на многих языках народов Кавказа и русском, затем раздаётся мощное «ура!». При этом шесть полковых «хоров» заиграли революционную «Марсельезу».

И вот началось прохождение частей Кавказской конной дивизии церемониальным маршем перед командующим армией генералом Корниловым. «Стройно, полк за полком, под звуки музыки прошли кавказцы, за ними зарохотали пушки, а за этими последними прошли пулеметчики...». Смотри закончился традиционной «кавказской лезгинкой под звуки зурны».

Мы привели лишь некоторые материалы из большого числа публикаций в российской периодической печати 1914 — 1917 гг., касающихся участия воинов-черкесов в Первой мировой войне. Несмотря на кажущийся сегодня несколько преувеличенно-восторженный тон этих очерков, они содержат очень важную для нас информацию. Они доносят до нас отпечаток того времени, который помогает нам восстановить события столетней давности. В них повествуется о доблести и храбрости черкесов на фронтах Первой мировой войны, об их отношении к жизни и смерти, чести и бесчестию, а также о том, как эти рыцари уходившей эпохи до конца были верны своему долгу и своей присяге.

При написании статьи использованы материалы: Опрышко О. Л. Кавказская конная дивизия. 1914 — 1917. Возвращение из небытия. Нальчик, 1999 г.; Вершигора А. Черкесский полк в Первую мировую войну // Литературная Адыгея. 1998. № 1; Дзагалов С. А. Воины-кавказцы в Украинской периодической печати 1914 — 1918 гг. // Исторический вестник ИГИ КБР и КБНЦ РАН. Вып. V. Нальчик, 2007. С. 206 — 234; Национальный архив РА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 328. Л. 29 — 31; Утверждение русского владычества на Кавказе. Под ред. В. А. Потто. Т. 3. Ч. 2. Тифлис, 1904. С. 88; <http://zakhar888.livejournal.com/178459.html>.